

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нью-Йорк, 1989

Стюарт Спенсер ненавидел свой гостиничный номер всей душой. Единственным преимуществом его пребывания в Нью-Йорке было то, что жена осталась в Лондоне и не имела возможности его преследовать, требуя соблюдать диету. Он заказал в номер клубный бутерброд¹ и теперь не спеша наслаждался его вкусом.

Он был плотного сложения лысоватым мужчиной, лишенным благодушного нрава, обычно свойственного людям с подобной внешностью. Его мучили водянка на пятке и хронический насморк. Проглотив полчашки чая, он с характерным для британцев шовинизмом раздраженно подумал, что американцы при всем своем желании просто не в состоянии заварить приличный чай.

Он мечтал о горячей ванне, чашке хорошего чая с бергамотом и чае тишины, но опасался, что взвинченный человек, который стоит у окна, заставит его отложить все эти радости... возможно, на неопределенное время.

— Итак, я здесь, черт подери.

Он угрюмо посмотрел на Филипа Чемберлена, который в это мгновение отдернул штору и уставился на стену здания напротив.

— Чудесный вид, — прокомментировал он. — Благодаря ему этот номер кажется еще уютнее.

— Филип, я вынужден тебе напомнить, что терпеть не могу летать через Атлантику зимой. Более того, в Лондоне меня ожидает настоящий завал с документами, образовавшийся по большей части из-за тебя и твоих странных методов работы. Так что если у тебя имеется какая-то информация, я попрошу тебя предоставить ее мне. И немедленно, если тебя это не затруднит.

¹ Бутерброд с мясом, помидорами, салатом, майонезом. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Филип продолжал смотреть в окно. Его беспокоил возможный исход этой неофициальной встречи, инициатором которой стал он сам, но наблюдая, как непринужденно он держится, было невозможно даже заподозрить, насколько он на самом деле напряжен.

— Стюарт, пока ты здесь, я просто обязан сводить тебя на какое-нибудь шоу, — произнес он. — На мюзикл. С возрастом ты становишься все мрачнее и ворчливее.

— Ближе к делу.

Филип отпустил край шторы и подошел к человеку, перед которым отчитывался на протяжении нескольких последних лет. Он двигался с уверенностью и изяществом, необходимыми ему по роду занятий. В тридцать пять лет у него за плечами была уже четверть века профессиональной деятельности. Он родился в лондонских трущобах, но ему с юного возраста удавалось добывать приглашения на лучшие светские вечеринки, что было изрядным достижением прежде, чем косная классовая структура британского общества рухнула под натиском модов¹ и рокеров. Он знал, что такое быть голодным, точно так же, как знал, что такое наесться до отвала белуги. Поскольку он любил икру, он позаботился о том, чтобы его образ жизни позволял ему не отказывать себе в этом лакомстве. Он хорошо, даже очень хорошо знал свое дело, но успех дался ему нелегко.

— Стюарт, у меня есть для тебя гипотетическое предложение. — Филип расположился в кресле и налил себе чаю. — Позволь поинтересоваться, был ли я тебе полезен на протяжении последних нескольких лет.

Спенсер откусил от бутерброда и подумал, что эта еда в сочетании с Филипом могут довести его до несварения желудка.

— Ты намекаешь на повышение оклада?

— Неплохая идея, но сейчас я не об этом. — Когда ему было необходимо, Филип умел одарить собеседника совершенно очаровательной улыбкой, чем искусно пользовался. И сейчас он решил к ней прибегнуть. — Вопрос заключается в следующем: оправдало ли себя решение принять на работу в Интерпол вора?

Спенсер шмыгнул носом, вытащил из кармана носовой платок и высморкался.

¹ Моды (англ. *Modes or Modernism, Modism*) — британская молодежная субкультура, сформировавшаяся в конце 1950-х гг. и достигшая пика в середине 1960-х гг. У модов был типично английский девиз по жизни — «умеренность и аккуратность».

— Временами ты был полезен.

Филип отметил, что на этот раз он не употребил перед словом «вор» определение «бывший». Но поскольку Стюарт не исправил это упущение, он не знал, заметил ли это также и его собеседник.

— В последнее время комплименты из тебя приходится тянуть клещами, — хмыкнул он.

— Филип, я здесь не для того, чтобы тебе льстить, а лишь для того, чтобы понять, какого черта ты решил, что меня стоит вызвать в Нью-Йорк посреди этой проклятой зимы.

— Возможно, ты захочешь иметь двоих?

— Двоих кого?

— Воров, Стюарт. — Он протянул ему треугольник клубного сэндвича. — Я бы рекомендовал тебе вот эту штуку на цельнозерновом хлебе.

— Что ты хочешь этим сказать?

От нескольких следующих минут зависело очень многое, но Филип давно привык к тому, что его будущее и даже жизнь почти всегда зависят от действий, совершаемых за считанные секунды. Прежде он был вором, и к тому же великолепным. Капитан Стюарт Спенсер и подобные ему люди шли по его следу от Лондона до Парижа, от Парижа до Марокко и от Марокко туда, где его поджидала очередная цель. Затем он совершил разворот на сто восемьдесят градусов и вместо того, чтобы бегать от Спенсера и Интерпола, начал работать на них.

Филип напомнил себе о том, что это было вполне деловое решение, которое он принял, взвесив все за и против, а также потери и дивиденды. То, что он собирался предложить сейчас, было глубоко личным.

— Что, если мы предположим, что мне известно об одном необыкновенно ловком воре, который уже целое десятилетие водит Интерпол за нос и который решил удалиться на покой и готов предложить свои услуги в обмен на помилование.

— Ты говоришь о Тени.

Филип тщательно стряхнул крошки с кончиков пальцев. Он был очень аккуратным человеком, как того требовали его характер и профессиональная необходимость.

— Гипотетически.

Тень. Спенсер забыл о мучающих его водянке и синдроме смены часовых поясов. Безликая фигура, известная только как Тень, украла драгоценности на миллионы долларов. Десять лет Спенсер безуспешно охотился на таинственного вора и каждый раз терпел неудачу. В последние полтора года Интерпол удвоил свои усилия, пойдя на то, что-

бы пустить вора по следу вора. Этим вором стал Филип Чемберлен, единственный человек, которому, по мнению Спенсера, уступал Тень. При мысли о том, как он доверял Филипу, Спенсера охватила ярость.

— Ты знаешь, кто он, черт побери. Ты уже давно знаешь, кто он и где его найти. — Стюарт сжал лежащие на столе ладони в кулаки. — Десять лет. Десять лет мы пытаемся его поймать. Черт возьми, мы уже много месяцев платим тебе зарплату за то, чтобы ты его нашел. И все это время ты водишь нас за нос. Тебе с самого начала были известны его имя и местонахождение!

— Может, да, — Филип развел руками с тонкими музыкальными пальцами. — А может, и нет.

— Мне хочется запереть тебя в клетку, а ключ бросить в Темзу.

— Ты этого не сделаешь, потому что я тебе как сын, которого у тебя никогда не было.

— У меня есть сын, черт бы тебя побрал!

— Не такой, как я. — Откинувшись на спинку стула, Филип продолжал: — То, что я тебе предлагаю, очень похоже на тот договор, который мы с тобой заключили пять лет назад. Тогда ты считал, что нанять самого лучшего специалиста гораздо выгоднее, чем за ним гоняться.

— Тебе поручили поймать этого типа, а не вести от его имени переговоры. Если у тебя есть имя, дай его мне. Если у тебя есть описание, дай мне описание. Мне нужны факты, Филип, а не гипотетические предположения.

— У тебя ничего нет, — неожиданно произнес Филип. — Десять лет не дали тебе ничего. И если я сейчас встану и уйду, ты так и останешься ни с чем.

— У меня будешь ты. — Холодный и уверенный голос Спенсера заставил Филипа вопросительно прищуриться. — Человеку с твоими привычками в тюрьме очень не понравится.

— Ты мне угрожаешь?

По спине Филипа пробежал холодок — мимолетный, но очень реальный. Он сложил ладони, глядя прямо перед собой, убеждая себя в том, что Спенсер блефует. Сам Филип не блефовал.

— Если ты не забыл, я помилован. Таков был договор.

— Ты сам поменял правила. Дай мне его имя, Филип, и позволь мне выполнить мою работу.

— Стюарт, ты мыслишь слишком мелко. Вот почему ты вернул лишь несколько бриллиантов, а я много. Если ты посадишь Тень в тюрьму, ты получишь всего лишь вора в тюрьме. Неужели ты считаешь, что

тебе удастся вернуть хоть малую часть того, что было украдено за последнее десятилетие?

— Это вопрос справедливости.

— Да.

Спенсер отметил, что тон Филипа изменился. К тому же он впервые за весь разговор опустил глаза. Но не от стыда. Спенсер знал Филипа слишком хорошо, чтобы хоть на секунду допустить, что он пришел в замешательство.

— Это вопрос справедливости, и мы к этому вернемся. — Филип снова поднялся на ноги. Ему не сиделось. — Когда ты поручил мне это дело, я взялся за него потому, что меня очень интересовал именно этот вор. Это не изменилось. Более того, можно сказать, что мой интерес значительно вырос.

Он не хотел давить на Спенсера слишком сильно. Хотя за годы совместной работы они пусть и неохотно, но начали восхищаться друг другом, он знал, что от своих принципов Спенсер не отступит.

— Давай предположим, что мне действительно известна личность Тени. Давай предположим, что я с ним беседовал и это заставило меня поверить в то, что ты мог бы использовать таланты этого человека и они могут быть предоставлены тебе в обмен на такую малость, как отпущение грехов.

— Такую *малость*? Да этот мерзавец украл больше, чем ты.

Брови Филипа взлетели вверх. Слегка нахмурившись, он смахнул с рукава хлебную крошку.

— Я сомневаюсь, что оскорблять меня так уж необходимо. Никто не украл больше бриллиантов, в пересчете на их суммарную стоимость, чем это сделал за свою карьеру я.

— Ах, оказывается, ты этим гордишься? — Лицо Спенсера пугающе побагровело. — Я бы не стал хвастаться жизнью вора.

— В этом и заключается главное различие между нами.

— Забираться в окна, проворачивать темные делишки в глухих переулках...

— Прошу тебя, не надо, а то я сейчас заплачу. Нет, Стюарт, лучше сочитай до десяти. Я не хочу нести ответственность за опасный скачок твоего давления. — Он снова поднял заварочный чайник. — Возможно, настало время признаться, что пока я взламывал замки, я тебя зауважал. Возможно, я все еще занимался бы своим ремеслом, если бы с каждым провернутым делом ты не подбирался все ближе. Я сожалею о своей прошлой жизни не больше, чем о переходе на сторону полиции.